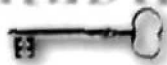

Пенской Виталий Викторович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теологии Белгородского государственного университета, г. Белгород

ЮАННЪ ГЕОРГЪ КОРБЪ «Презлым отплатил за предобрейшее...»

(дневник секретаря имперского посольства в Россию
И.Г. Корба и дипломатические отношения в Европе
накануне и в начале Северной войны)

Ключевые слова:

дипломатические отношения на рубеже XVII–XVIII вв., Россия, Священная Римская империя, реформы Петра I

В статье автор обращается к истории русско-имперских отношений на рубеже XVII–XVIII вв. И.Г. Корб, секретарь посольства И.Х. фон Гварийента и Ралля, приехавшего в Москву в 1698 г., вел подробнейший дневник пребывания имперских дипломатов в столице России. Этот дневник, вышедший на рубеже 1700–1701 гг., по праву считается одним из интереснейших источников по истории России конца XVII в. Не меньший интерес представляет и судьба этого дневника. Наблюдательный и любознательный Корб отразил на его страницах свои впечатления от лицезрения обычаев и нравов русских той эпохи, не исключая и самого царя, дав им порой весьма нелюбезные оценки. Появившись на свет вскоре после поражения русских войск под Нарвой, дневник Корба стал причиной большого дипломатического скандала между Москвой и Веней, который с большим трудом удалось урегулировать.

Путевые заметки (дневники), что вели иностранные дипломаты в ходе их поездок в Россию, составляют значительную часть зарубежной *Rossic'i*. Важность этих произведений не вызывает сомнений. С одной стороны, они являются ценным источником сведений о Российском государстве и обществе, взглядом со стороны, а с другой, не меньший, если не больший, интерес они представляют с

точки изучения формирования и последующей эволюции характерного образа России и русских в западноевропейском общественном сознании.

Образцом таких заметок стал вышедший в конце 1700 – начале 1701 гг. дневник, подробнейшим образом зафиксировавший события, связанные с пребыванием в Москве имперского посольства И.Х. фон Гварийента и Ралля. Его автором был посольский секретарь И.Г. Корб [1, с. 244]. Но в от-

личие от других аналогичных изданий, появление в свет этого дневника стало причиной серьезного дипломатического скандала, осложнившего отношения между Россией и Священной Римской империей в первые годы Северной войны. Причиной столь необычного отклика на, казалось бы, вполне заурядное, обычное издание (мало ли сочинений о России печаталось тогда в Европе?) стала, как представляется, сложная дипломатическая

игра, которая шла в это время в Европе, где вот-вот должна была вспыхнуть война за Испанское наследство.

Для начала несколько слов о самом посольстве, его целях и задачах. Начало истории, о которой пойдет речь дальше, можно отнести к 80-м гг. XVII столетия. В марте 1683 г. император Священной Римской империи Леопольд I и король Речи Посполитой Ян Собеский подписали антиосманский трактат, к которому вскоре примкнула Венеция и ряд других европейских государств. Так образовалась Священная лига, поставившая своей целью борьбу с османской агрессией. Подписав в 1686 г. с Речью Посполитой Вечный мир, который подвел итоги 200-летней войны между Россией и Польско-Литовским государством, к лиге де-факто примкнула и Москва. Итогом этого шага стала новая, вторая по счету русско-турец-

ко-крымская война 1687–1700 гг., которая по праву может быть названа едва ли не самой «незнаменитой войной» в нашей истории. Внимание историков привлекают два самых ярких события этой войны — Крымские походы князя В.В. Голицына (1687 и 1689 гг.), и Азовские походы Петра I (1695 и 1696 гг.). Однако только этими двумя походами история «незнаменитой войны» не ограничивается, и боевые действия разной степени интенсивности шли и между Крымскими и Азовскими походами, и после взятия Азова. Увы, даже простой летописи этой войны, говоря уже о полноценном исследовании ее причин, хода и последствий, как не было, так и нет.

Но вернемся обратно к нашей истории с посольством Гваринента. Сходив в первый раз к Азову, Петр понял, что реальная война — штука на-

много более серьезная, чем Кожуховские маневры 1694 г., и потому в конце 1695 г. он отправил в Вену дьяка К.Н. Нефимонова. Перед ним была поставлена задача договориться с имперскими дипломатами о скорейшем заключении наступательного союза с императором и присылке инженеров и фортификаторов. Переговоры шли ни шатко, ни валко, пока не грянул гром — в Вену пришло известие, что петровские полки взяли Азов! Эта новость произвела эффект разорвавшейся бомбы, и Нефимонов в переписке с Петром рассказывал царю, что к нему началось настоящее паломничество интересующихся известиями о победах царского войска и что о взятии Азова только и говорят при дворе императора [6, стб. 282].

Акции Москвы немедленно взлетели вверх, и договор был подписан. Вслед за этим

Въезд австрийского посольства в Москву 29 апреля 1698 г. Гравюра. Извлечение из книги И.Г. Корба «Дневник Путешествия в Московию». 1698—1699

Водосвятие (Водоосвящение) в Москве в конце XVII в.
Извлечение из книги И.Г. Корба «Дневник Путешествия в Московию»

Нефимонову сообщили, что император намерен отправить в Москву своего посланника, «некоторую особу... по обычаю всех христианских союзничьих государств, на резиденцию» [6, с. 401]. Этой особой должен был стать, как потом писал Корб, «достозамечательнейший господин, Христофор Игнатий, благородный господин Гвариент-Ралль, Священной Римской империи и королевства Угорского кавалер, действительный надворно-военный советник его цесарского величества» [4, с. 27].

Выбор Гвариента со стороны императора и его советников не был случаен — опытный дипломат, весьма искушенный в хитроумных сплетениях тогдашней политики, он уже бывал в Москве и потому, как считали в Вене, «весьма хорошо знает нравы и дух московского народа» [4, с. 27]. Перед ним была поставлена задача засвидетельствовать взаимное согласие императора и русского царя в совместных действиях против «поганства», а заодно выяснить, каковы намерения Петра в предполагавшихся военных действиях против османов [7, с. 245, 246].

Сборы Гвариента и его свиты в путь затянулись, и лишь почти год спустя, в январе

1698 г. имперское посольство покинуло Вену и двинулось на Восток, в загадочную и непонятную для просвещенных европейцев (каковыми, вне всякого сомнения, полагали себя и Гвариент, и Корб) варварскую (а какой другой она могла быть опять таки для просвещенного европейца того времени?) Московию. Преодолев немалые трудности (при чтении дневника секретаря посольства обращают на себя внимание постоянные жалобы на отвратительные дороги), 19 апреля того же года прибыло в Москву.

Петр I придавал поддержанию союзнических отношений с Империей чрезвычайно большое значение, поэтому миссия Гвариента была встречена со всей возможной пышностью. Корб писал, что «до сих пор послы при своем въезде немало имели затруднений, так как москвитяне чрезвычайно дорожили самым пустым преимуществом... Ничего, однако, подобного не случилось во время нашего въезда. Напротив того, московский комиссар, воздерживаясь от всякого спора о первенстве, первый вышел из своего экипажа встретить господина посла. Он скромно уступил ему первенство как относительно дороги, так и относительно

всего прочего; вообще же с этой стороны не было показано, как то бывало в прежнее время, малейшей надменности. В мы недоумевали, видя столь внезапную перемену в народе, господин же посол не мог радоваться тому, что накопившие притязания, упорное отстаивание которых со стороны москвитян всегда бывало для его предшественников неисчерпаемым источником всякого рода неприятностей, ныне, при первом, были почти забыты...» [4, с. 57]. Небольшое, но весьма характерный эпизод — описывая аудиенцию думного дьяка Е.И. Украинцева, одного из виднейших русских дипломатов того времени, Корб сообщал, что «господский же посол, впрочем, был весьма любезен, заявлял чувства неглубочайшего своего почтения к священной особе его императорского величества и того довел свою величавость, что при отъезде посла, вопреки обычаю русских, не только проводил его до самой кареты, но и оставался там, пока тот тронулся с места» [4, с. 68]. таких эпизодов в дневнике не отмечено немало.

В России посольство Гвариента пробыло больше недели — 3 июля 1699 г. он получил отпускные грамоты у боярина Л.К. Нарышкина и спустя полторы недели покинул Москву. В Вену посольство благополучно прибыло в сентябре того же года. Около года у Корба на завершение рабнад записками — а написано было о чем, ведь посольство Гвариента прибыло в Москву «в начале славных дел», началось петровских преобразований, мятеж стрельцов и зыск по нему, продолжение войны с турками и татарами и события. Но за этот год много изменилось в мире. Началась Северная война и под Нарвой более чем 30-тысячное русское войско, под началом рекомандованного императором Петром герцога Е. де Кроа, было разбито значительно уступавшим ему в силах шведским, которым командовал лично король Швеции Карл XII. Эффект этой победы шведов над русскими был огромным. Как писал некий немецкий издатель «...всякого по справедливо

до крайности удивляет поражение москвитян под Нарвой. Такая большая армия, состоявшая более, чем из 80,000 человек, не только не могла, после почти девятимесячной осады, овладеть Нарвой, не особенно сильно укрепленной, но даже, захваченная 20-го ноября в расплох в своем лагере гораздо слабейшим шведским войском, под предводительством короля Карла XII, была разбита, и весь лагерь со всею артиллериею из 150 орудий, 30 мортир, весь багаж и 25 обер-офицеров (генералов и других начальников), между коими находился сам генерал-фельдмаршал герцог фон-Крой, достался шведам в плен и добычу. Если бы это были все только одни москвитяне, то никто бы, знакомый с храбростью и военным искусством шведов, этому не удивился; но так как офицеры были большею частию немцы, шотландцы, датчане и из других известных своею храбростью наций, то это еще удивительнее и скорее должно почесться за дело Божеское, чем человеческое» [2, с. 270]. И,

развивая свою мысль далее, он писал, что это поражение стало Божественным наказанием, которое обрушилось на русского царя, нарушителя мира, безмерно возгордившегося своими победами над турками и татарами и потому попытавшегося нарушить установленную Богом границу между цивилизованным миром и Россией [2, с. 271, 272, 277, 278, 281, 282].

Авторитету России и Петра I был нанесен жестокий удар, и курс русских акций на европейской дипломатической бирже резво скакнул, только на этот раз вниз. Так, А.А. Матвеев, царский резидент в Голландии, отписывал в Москву, что после того, как в Гааге было получено известие о поражении русского войска под Нарвой, он был подвергнут настоящей обструкции: «Жить мне здесь теперь очень трудно: любовь их только на комплиментах ко мне, а на деле очень холодны. Обращаюсь между ними, как отчужденный, и от нареkania их всегдашнего нестерпимую снедаюсь горестию...». Русский же посланник князь П.А.

Голицын, прибывший в Вену в мае 1701 г., когда впечатления от Нарвы были еще свежи, жаловался в письме Ф.А. Голловину: «Всеякими способами надобно домогаться — получить над неприятелем победу. Сохрани Боже, если нынешнее лето так пройдет. Хотя и вечный мир учиним, а вечный стыд чем загладить? Непременно нужна нашему государю хотя малая виктория, которою бы имя его по прежнему во всей Европе славилось. Тогда можно и мир заключить...» [10, с. 43; 12, с. 202].

И вот в этой накаленной обстановке, когда на русских смотрели даже в столице союзной Вены как на явных неудачников, появляются записки Корба (кстати говоря, довольно быстро был сделан и их русский перевод, его автором С.К. Смирнов полагал переводчика при русском посланнике в Вене П.А. Голицыне П. Линксвейлера [9, с. 734]).

При первом чтении его текста трудно не согласиться с мнением Н.Г. Устрялова, который писал, что «Корб писал с

Битва под Нарвой. Худ. Анкаркрона Густав

Стрельцы московских полков в 1672 г. Литография

глубоким уважением к Петру, с любовью к истине, и если ошибался, то потому только, что верил иногда неосновательным рассказам. Собственные наблюдения его точны и правдивы...» [12, с. LXIV]. Безусловно, Иоганн Корб стремился как можно точнее передать свои впечатления от увиденного в России (ведь не случайно что иностранные дипломаты, что русские посланники составляли записки и отчеты о своем пребывании в той или иной стране — это был один из важнейших способов получения и свежей и от того еще более ценной информации о том или ином государстве). Любопытный, образованный, наблюдательный, обладающий острым и критическим умом — Корб действительно оставил важный источник по

истории России рубежа XVII–XVIII вв. Но достоинства его как наблюдателя и как автора дневника были обратной стороной его недостатков. Хотя Корб и получил образование в иезуитской коллегии, а затем учился в университете Вюрцбурга, однако, в отличие от С. Герберштейна, он не знал славянских языков и был вынужден довольствоваться или информацией, получаемой от переводчиков (об одном из них, принявшем православие некоем поляке Лаврешке, он с негодованием отзывался как о дерзком, наглом и бесстыдном человеке [4, с. 60]), или от иностранцев, живших в то время в Москве и иных иностранных дипломатов. Естественно, что получаемые им не из первых рук сведения не могли быть точными и носили отпечаток

субъективности. Кроме того на Корба не могло не оказывать воздействие и изучение предыдущих отчетов дипломатов прежде всего имперских, (вавших до того в Москве с. 60]. Наконец, он приехав в Москву уже вполне сформировавшимся человеком, с определенными взглядами на мир вне всякого сомнения, на Россию и русских [4, с. 219, 220].

Определенно, именно отсюда и проистекает та противоречивость, двойственность присущая свидетельству имперского дипломата и хорошо заметная при чтении его записок. С одной стороны, например, характеризует личность молодого Петра, Корб подчеркивал, что «...докажет себя жить ныне благополучно царствующий государь доколе этот народ не возобновит прежних, столь нелепых своих притязаний...» и жалеет красок, описывая его добрые качества, заключая в итоге, что «...всего добро можно ждать от такого государя. Москвитяне должны гордиться своим счастьем. Они должны быть признательны за ту благодать, которую и Бог ниспослал к зависти мнимогих...» [4, с. 57, 193]. Однако с другой стороны, молодой царь, по мнению Корба, не менее, остается варваром, о чем свидетельствует как его поведение, так и его привычки [4, с. 96, 99, 121, 144, 204]. Не скрывает от своих читателей секретарь посольства и то, что Петр лично руководил розыском по делу взбунтовавшихся стрельцов, не брезгуя при этом принимать лично участие в пытках и казни бунтовщиков (правда, Корб в этом случае полагал, что проявленная Петром жестокость была только во благо, «ибо теперь было такое время, что для блага всей Московии... жестокость нужна была, и тот бы весьма погрешил, кто бы такой способ принуждения считал тиранством, ежели с ним была сопряжена справедливость, и особенности когда члены государственного тела до того поражены болезнью и подвержены неизлечимому гниению что для сохранения организма ничего не остается, как железом и огнем уничтожить эти

члены...») [4, с. 95–97, 120].

В еще большей степени это относится к описанию нравов и обычаев русского народа в дневнике. Для Корба русские — типичный варварский народ со всеми присущими варварам чертами — неумеренным пьянством и обжорством, лживостью и плутовством, отсутствием стыда (телесные практики москвитов Корба, как и многих его предшественников, приводили в изумление своей непосредственностью) и, естественно, врожденным холопством, которое они предпочитают свободе [4, с. 214, 219, 220, 222, 223, 229]. Даже русские придворные, по его мнению, грубы и неотесанны, поскольку «...вовсе не занимаются объездкой лошадей, фехтованием, танцами или какими-либо другими искусствами, в которых по нынешнему обыкновению стараются, из похвального честолюбия, отличать иноземцы. Москвитяне ничем подобным не дорожат» [4, с. 221].

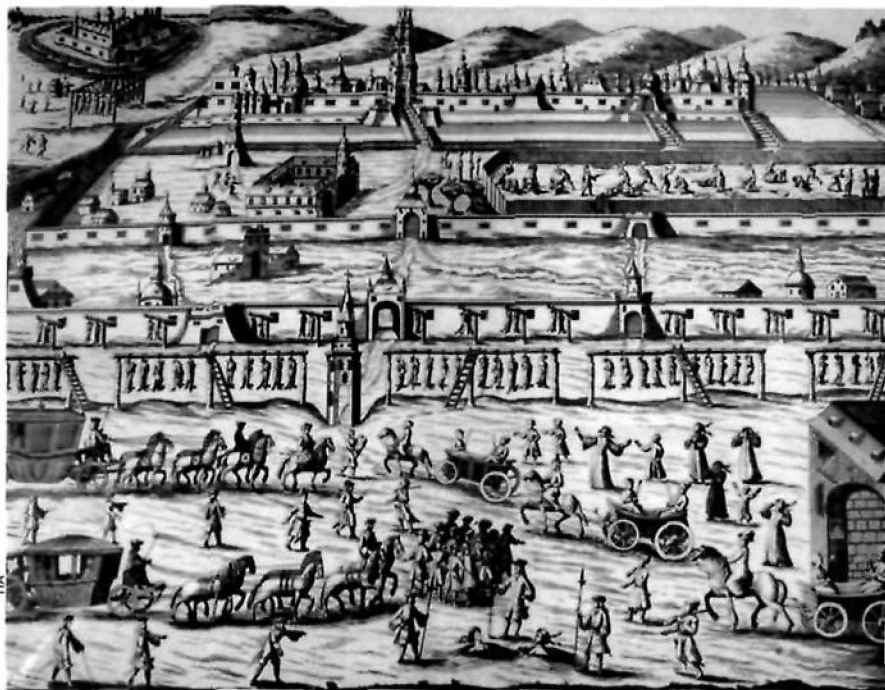
Конечно, было бы неверным полагать, что Корб считал абсолютно всех русских дикарями. Он признавал, что и в России «между толиким количеством негодной травы растут также и полезные растения и между этим излишеством вонючего луку алеют розы с прекрасным запахом: в этих людях процветают тем большие добродетели, чем труд их развития был тяжелее». Однако, сожалел он, «...мало таких, которых или праведный полюбил Зевс, или вознесла блестящая добродетель в эфирные области, где эти редкие светила кроются пред взглядом прочих, коснеющих в невежестве и пороках...». Ведь, по мнению секретаря посольства, «...большая часть москвитян, по самой природе своей, имеют столь варварские нравы, что не терпят благодеяний, вносимых в их отечество иностранцами» [4, с. 96, 220]. Общий вывод Корба о русских таков — московитский народ «далеко превосходит народы всего света лицемерием, обманом, вероломством и необузданным дерзновением на всякого рода преступления» [4, с. 214].

Такое отношение в целом было понятным — в Европе

к этому времени прочно утвердилось мнение о России и русских как о варварской стране и диком, нецивилизованном народе, своего рода аналоге турок и Турции. Так, уже упоминавшийся выше неизвестный немецкий издатель прямо проводил параллели между прогремевшей на всю Европу неудачной попыткой турок овладеть Веной в 1683 г. и столь же провальной русской осадой Нарвы семнадцатью годами позднее [2, с. 272, 273, 276]. Более того, автор подчеркивал, что подобно тому, как Вена служила бастионом христианства против турок, так и Нарва аналогичным образом закрывала собой Лифляндию от русских, потомков скифов, «пользующихся уже с древнейших времен дурною славою, прирожденные качества которых суть разбой, убийство, вероломство, дерзость и наглость» [2, с. 272, 285]. Правда, с воцарением Петра и началом его преобразований, в особенности в последние годы XVII столетия, акценты в западноевропейском восприятии России и русских несколько изменились. Никто не отказывался считать Россию и русских нецивилизованными, равно как и Петр воспринимался как некая диковина,

государь варваров и сам варвар. Однако вместе с тем, как писал норвежский историк И. Нойманн, его «...варварство оправдывалось...тем, что он, как представлялось европейцам, стремился исправиться и хотел учиться у Европы» [5, с. 111]. Отметим, правда, что складывается впечатление, что у определенной части европейского общества к тому времени сложилось твердое убеждение, что эта цивилизаторская деятельность Петра должна иметь сугубо прикладной характер и направлена только на то, чтобы русские могли с большим успехом противостоять туркам и татарам, в чем и заключалось их, москвитов, Божье предопределение [2, с. 272]. Внешнеполитическая активность России на западном же направлении рассматривалась как нежелательная.

Для понимания истоков такого отношения к России и русским представляются интересными размышления И. Нойманна. Он отмечал со ссылкой на немецкого историка М. Харбсмайера, что неприятие западноевропейцами русских как народа европейского цивилизованного, проистекало из того, что в раннее Новое время на смену прежней, религиозной в своей сути космологии пришла

Казни стрельцов в 1698 г.
Гравюра из «Дневника Путешествия в Московию» И.Г. Корба

новая, в которой при определении принадлежности того или иного народа к определенной части света или сообществу использовался прежде всего критерий культурности [5, с. 108]. Добавим к этому концепцию о существовании двух типов нравственной культуры — «культуры стыда» и «культуры вины» [3, с. 138, 139]. И если предположить, что культура русского общества в основе своей осталась к началу XVIII в. «культурой стыда», система ценностей в которой была ориентирована прежде всего «наружу», на социум, тогда как Корб, оценивая русских, исходил из требований «культуры вины», основанной на интериоризированной системе ценностей, обращавшейся к самосознанию индивида [3, с. 139]), то тогда многое проясняется и становится на свои места. Перед нами предстает типичный конфликт двух культур, двух мировосприятий. В этой связи возникает соблазн связать это культурное отличие с изменением роли и места церкви в обществе — ведь Россия, в отличие от Западной Европе, не пережила полноценной церковной Реформации, а попытка ее осуществления привела к Расколу (кстати, многие из тех пороков, что приписывались русскими иностранцами, не были присущи большей части старообрядцев).

Корб своими записками продолжил эту линию, и эта двойственность в оценках русских и России красной линией проходит через весь текст его мемуаров. Более того, он привносит в нее и новый оттенок — противопоставляет стремящегося к культуре и цивилизации молодого царя и немногочисленный круг его единомышленников к осконому, упорно отстаивающему свое варварство большинству русских, вне зависимости от того, к какому сословию они принадлежали, благородному, духовному или же простонародью.

Но, к его несчастью, «Дневник...» вышел несвоевременно, и тот положительный заряд, заложенный в его записках, пришелся не ко двору. Напротив, на первое место вышли негативные отзывы и впечатления, вывезенные Корбом из

России. В Москве же после Нарвы и подавно чрезвычайно болезненно воспринимали, как уже было отмечено выше, всякую критику в свой адрес, а здесь наблюдательный имперский дипломат коснулся не только нецивилизованного, с точки зрения европейца, образа жизни русского народа (представляется, что если бы Корб этим и ограничился, то никаких серьезных проблем затем не возникло), но в невыгодном свете показал некоторые стороны личности и деятельности самого русского монарха. Достаточно вспомнить описание пира, устроенного Гварием по случаю приезда к нему Петра — по словам Корба, «боярин Головин чувствует врожденное отвращение к салату и уксусу. Полковник Шамберс по царскому повелению схватил сего боярина и крепко держал, а царь наполнил в это время ноздри и рот Головина салатом и уксусом, пока тот не закашлялся так, что у него бросилась из носу кровь». И это была всего лишь невинная шалость со стороны монарха [4, с. 99]! Стоит отметить в этой связи, что еще С.К. Смирнов указывал, что в присланном Голицыным переводе «Дневника...» были смягчены именно данные Корбом оценки Петра [9, с. 530].

...царь наполнял в это время ноздри и рот Головина салатом и уксусом...

Увиденное посольским секретарем и изложенное им на страницах «Дневника...» только подтверждало уже сложившееся полупрезрительное, полупренебрежительное мнение о русских как о нецивилизованных дикарях, что окончательно сложилось в Европе после Нарвской баталии — как писал в Москву П.А. Голицын, «...войну нашу мало в дело ставят, больше присмеиваются...» [12, с. 197]. Можно предположить, что это «присмеивание» стало результатом разочарования венского двора в своем союзнике. Видимо, на первых порах император и его советники возлагали

большие надежды на сколоченную не без их усилий коалицию из Дании, Речи Посполитой, Саксонии и России, которая должна была поспособствовать отвлечению внимания воинственного шведского короля Карла XII от большой европейской политики, канализировать его агрессию на восток. Теперь же, после Травендальского договора, которым завершился шведский «блицкриг» против датчан, неудачных действий саксонцев под Ригой и разгрома русских под Нарвой эти надежды рассеялись. Расчеты на многочисленность [еще один признак варварства. — sic!] русских ратей, ведомых энергичным и честолюбивым царем московитов и многочисленными иностранными офицерами, подогреваемые хвалебными донесениями иностранных резидентов в Москве о высокой боеспособности новонабранных русских полков [8, с. 44, 45], не оправдались. Швеция, быстро и по очереди разгромив трех противников, теперь могла более активно вмешиваться в европейскую политику, и в Вене чрезвычайно опасались того, что Карл XII, окрыленный первыми успехами, попытается вмешаться в надвигающийся конфликт вокруг испанского наследства на стороне Франции.

От любви до ненависти — один шаг, и понятно, почему все тот же П.А. Голицын доносил в Москву в мае 1701 г. что в Вене «...теперь войскам нашим и управлению только смеются» [12, с. 202]. И был отчего — 80-тысячное русское войско (а именно такая цифра благодаря рассылаемым торжествующими шведами письмам и реляциям утвердилась в общественном сознании Европы), засевавшее за окопами рвами, было наголову разбито десятикратно меньшими войсками под началом Карла XII [2, с. 280]. А тут еще выходит публикация «Дневника...», в которой русский царь предстает просвещенной европейской публикой как жестокий властитель, не брезгающий собственноручно пытаться и казнить своих мятежных подданных.

Естественно, что как толку в Москве узнали о выходе «Дневника...», там постарались немедленно предпри-

нять меры для того, чтобы, во-первых, разобраться с автором этого сочинения, а во-вторых, предпринять меры для предотвращения его широкого распространения. П.А. Головин через своего переводчика П. Линксвейлера (который, судя по всему, был *persona non grata* при венском дворе) предположил, что им был сам посол Гвариент. Именно его он полагал главным врагом России при императорском дворе, когда писал 12 июля Ф.А. Головину: «...Все развраты делает Гвариент, и такова злодея на Московское государство еще не бывало; много раз просил я цесаря чрез патера Вулфа, чтобы приказал ему рот заградить; но не допускает до того граф Кауниц, которому он приносит ведомости с Москвы...» [12, с. 200].

Между тем в Вене полагали, что Гвариент, дважды бывавший в России, наилучшим образом подходит для роли главы нового посольства в Москву. Голицын, узнав об этом, пришел в ужас, поскольку именно этот имперский дипломат, по его мнению, «...выдал книгу о состоянии и порядках Московского государства», а потому его появление в России нежелательно, так как «истинно, как я слышал здесь, такова поганца и ругателя на Московское государство не бывало; с приездом его сюда, нас учинили *барбарами* и не ставят ни во что. Если такой поганец будет впредь, и не такие пакости может учинить» [12, с. 201]. Такое отношение бывшего посла к России и русским было тем более обидно, если учесть, с каким почетом и подчеркнутым уважением его встретили в Москве [1, с. 241, 242]. Вот уж действительно, «презлым заплатил за предобрейшее...»!

Естественно, что и в русской столице, ознакомившись с сочинением Корба, приписываемым Гвариенту, испытывали к нему те же «теплые» чувства, что и Голицын в Вене, и, конечно же, были категорически против того, чтобы имперский дипломат еще раз приехал в Россию. Узнав об этом, без вины виноватый бывший посол серьезно обеспокоился и попытался восстановить свое честное имя в глазах царя. В конце декабря 1701 г. он писал Ф.А.

Головину, что он вовсе не является автором этого вызвавшего столь бурную негативную реакцию в Москве сочинения. По словам Гвариента, его ложно обвинил Линксвейлер, а он сам никакого отношения к сочинению не имеет. В другом письме, отправленном тогда же И. Шафирову, Гвариент писал, что в «Дневнике...» «...ни единой буквы пера моего не положено, но наипаче весьма иное его цесарскому величеству о царской милости я доносил, то не токмо цесарские министры иначе о том извещены, но надеюсь, что и в Москве такое доношение осмеяно будет, и в вину того мне не поставят» [12, с. 212].

Однако оправдаться Гвариенту так и не удалось. Петр не стал принимать его извинения и уверения в непричастности к составлению дневника и потребовал, что в Вене изменили свое первоначальное решение и отказались от намерения прислать имперского дипломата в Москву. В итоге в начале апреля 1702 г. Гвариент писал Петру: «Узнал я, что вашему величеству донесено, будто я автор изданного описания посольства моего в Москву. Свидетельствую всем, что неправда; ссылаюсь на уши цесарские, как я о вашем величестве всегда говорил. Но это так меня встревожило, что я не решился принять вновь предло-

женного мне поста посланника ко двору вашего величества...» [12, с. 237]. Новая поездка Гвариента в качестве имперского посла в Москву так и не состоялась.

Непростой оказалась и судьба «Дневника...». По требованию Москвы император приказал изъять из продажи еще не проданные экземпляры сочинения Корба и уничтожить их, что, судя по всему, и было исполнено [1, с. 244]. Можно только предположить, что уступчивость венского двора по отношению к требованиям Москвы была продиктована не в последнюю очередь желанием Вены не только на всякий случай сохранить дружественное отношение Москвы, а также и известиями о первых победах русских войск в Прибалтике, несколько сгладившими негативное впечатление от 1-й Нарвы. К счастью, несколько десятков экземпляров дневника Корба были распроданы до того, как было решено изъять его из продажи, и благодаря этому этот интереснейший во всех отношениях памятник сохранился до наших дней. Так закончилась эта непростая история одного посольства и одной книги и была перевернута еще одна страница в долгой истории русско-имперских отношений, начавшихся еще в конце XV в., во времена Ивана III. ■

Источники

1. *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение путешествников по России до 1700 года и их сочинений. Ч. II // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Кн. 1. IV. Материалы иностранные. М., 1864.
2. *Витберг Ф.* Мнения иностранцев-современников о великой Северной войне // Русская старина. 1893. Т. 79.
3. *Гуревич А.Я.* Проблемы средневековой народной культуры // Гуревич А.Я. Избранные труды. Культура средневековой Европы. СПб., 2006.
4. *Корб И.Г.* Дневник поездки в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю московскому Петру Первому, в 1698 году, веденный секретарем посольства Иоанном Георгом Корбом // Рождение империи. М., 1997.
5. *Нойманн И.* Использование «Другого». М., 2004.
6. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений с Римскою империею. Т. VIII (с 1695 по 1699 год). СПб., 1867.
7. Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 5. М., 1893.
8. Северная война 1700–1721 гг. Сборник документов. Т. 1. М., 2009.
9. *Смирнов С.К.* Дневник Корба // Русский вестник. Материалы к русской истории. 1866. Т. 62.
10. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. XV // Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. VIII. М., 1993.
11. *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. I. СПб., 1858.
12. *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. II. СПб., 1863.